

**В вихре
времени**

Юрий КОРЧЕВСКИЙ

«Качай
маятник»!

Особист из будущего

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Корчевский, Юрий Григорьевич.
К70 «Качай маятник!» Особист из будущего / Юрий Корчевский. — Москва : Яуза : Эксмо, 2015. — 704 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-81676-7

Если ты провалился из сегодняшнего дня в 1941 год, будь готов пройти все круги фронтового ада: прорываться из окружений, воевать в танковой бригаде и войсковой разведке, в легендарном Осназе и наводящем ужас СМЕРШе.

Ты научишься «качать маятник» и стрелять с обеих рук «по-македонски», будешь защищать тылы Красной Армии от вражеских шпионов и диверсантов и сам отправишься за линию фронта со сверхсекретной миссией, от которой зависит исход войны.

Вот только по возвращении с задания вместо награды тебя ждет трибунал и штрафбат, по сравнению с которым даже ГУЛАГ покажется курортом, — лишь здесь ты узнаешь, чего стоят парадные сталинские мифы, какая чудовищная цена заплачена за Великую Победу и что за непосильное бремя — качать маятник Вечности...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-81676-7

© Корчевский Ю.Г., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

**ЗАГРАДОТРИД
ВРЕМЕНИ**

Я из СМЕРШа

ГЛАВА 1

Серой лентой уносило под колеса машины шоссе. И что я такой невезучий? Еле отпуск на работе летом выпросил, капитан мой все время твердил: «Навигация, навигация, иди, как все, — зимой».

Попал я в Ярославское речное пароходство совершенно случайно. Окончив Челябинское танковое училище, честно оттянул свою лямку четыре года, как говорят в армии, «через день под ремень» — взводным, пройдя «славный путь» от лейтенанта до старшего лейтенанта. А потом в армии начался кавардак, денег едва хватало на самое насущное, и, когда полк наш сократили, я уволился. Так в двадцать восемь лет я стал безработным.

У отца был знакомый в пароходстве, который и привел меня в отдел кадров.

Посмотрев мои документы, кадровик улыбнулся:

— Так, значит, Сергей Колесников? У нас танков нет.

— Но в дипломе же написано — «инженер-механик». А дизель — он ведь что в танке, что на судне.

— Да, это верно. Для начала определим тебя стажером на сухогруз «Окский-35». Постажируешься, оглядишься с месяц, а там видно будет.

Вот так я, бывший танкист, и стал судовым механиком. Склонность к железу у меня с детства была. Сколько себя помню, отец и дома, и в гараже с железками возился, вот и я потихоньку втянулся. И учиться пошел не на новомодных ныне юриста, экономиста или менеджера, а к технике поближе. А что в военное училище — так романтика юношеская толкнула. Опять же — на полном государственном обеспечении, поскольку жили мы небогато. На еду и одежду хватало, но излишествами я избалован не был.

А не повезло мне, потому как познакомился с хорошей девушкой, уговорились в отпуск вместе ехать, и вдруг — на

тебе: мало того, что отпуск ей не дали, так еще и в командировку отправили.

Провожая, я подвез ее к вокзалу. Прощаясь, расцеловались, а на перроне цыганка ко мне пристала:

— Дай погадаю, красавец! Все скажу — как есть и что ожидает!

Сроду на такие штучки я не велся, отмахнулся от нее, да разве от них отвяжешься? Так и шла со мной до машины, а за нею — выводок ее, трое детишек чумазных, галдящих.

— Мужчина, позолоти ручку! — не отставала цыганка.

Чтобы она отвязалась, я вытащил из кармана смятую сто-рублевку и сунул ей в руку. Сам же отпер дверь своей «шестерки» и собрался уже сесть, как цыганка дернула за руку:

— Предстоит тебе дорога дальняя.

Мне стало интересно, я задержался. Мне ведь и в самом деле предстояло ехать в Смоленск — даже дальше.

Цыганка раскинула на капоте карты.

— Не надо тебе ездить, не будет удачи. Ждет тебя казенный дом.

Во как! «Казенный дом» — это что? Больница, тюрьма или чиновничья управа?

— Врешь, поди. Все вы так говорите.

— Карты не врут, красавец. Домой не вернешься.

Вот никогда не верил в гадания!

Я сплюнул и сел в машину.

Цыганка забрала карты и отошла. Чего, спрашивается, каркать под руку?

Через полчаса я уже забыл о гадании, собирая машину. Вещи надо погрузить, продукты, лопаты — маленькую саперную, штыковую и совковую. Мне без них — никак. А еще лупу, веревку и много чего другого.

В прошлом году вместе с отцом на Смоленщину ездили, нынче одному придется — слаб здоровьем батенька стал, куда ему землю копать? К тому же в прошлом году аккуратно под конец отпуска дожди пошли, пришлось бросить раскопки. Нет, я не кладоискатель и не «черный следопыт». Могила деда ищем. Еще в войну похоронка на деда пришла. Бабушка поплакала, смирилась, да и прожила потом одиночкой горемычной, растя отца. А после войны жизнь тяжелая была, полуголодная. Так и мыкала нужду, пока отец не вырос да работать не пошел. Там уж полегче стало. Потом отец женился, появился я, и жизнь пошла по накатанной колее: дом, работа — до того момента, когда три года назад отец на празднике

Дня Победы встретился случайно с фронтовиком. Тот и разбередил ему душу.

Оказалось, что они с дедом воевали вместе — в одном полку и даже одной роте. Однако же сказать, как погиб дед и где похоронен, он не смог.

И появилась у отца навязчивая идея — найти могилу деда и поклониться праху его.

Понемногу и я проникся этой идеей. А после прошлогодних поисков и раскопок, когда мы нашли незахороненные останки и смертные медальоны воинов, и сам загорелся. Правда, один из медальонов оказался пустым, а на бумажке из второго медальона почти ничего нельзя было разобрать. Но мы сдали эти находки в военкомат. Есть же эксперты, может, и удастся установить фамилию павшего воина, и тогда еще одним неизвестным солдатом станет меньше, и семья узнает, где упокоился их отец или дед.

Рано утром я завел машину и выехал на Москву. По случаю воскресенья машин на дороге было мало, трасса была пустынней, и я давил на педали.

Впереди показался «Пежо», в просторечии — «пыжик». Посторонись, насекомое, «гонщик» едет!

Чем ближе подъезжал я к столице, тем оживленней становилось движение.

Вот и кольцевая. Мне направо. По «Европе-плюс» крутили Inna с ее хитом «Amazing», а потом Armin van Buuren. Неплохая музычка.

После Можайска машин снова поубавилось.

В Вязьме я остановился на ночь в придорожном кемпинге. Не люблю ездить ночью — встречные фарами слепят, видимость ограничена.

А поутру я свернул с трассы влево, не доезжая до Сафонова. Тут уж гравийка пошла, а потом и вовсе грунтовка.

Скорость упала, «шестерка» жалобно поскрипывала на ухабах всеми своими сочленениями. Временами справа мелькал за деревьями Днепр. По-моему, пора узнать у местных деревенских, где эта деревушка, о которой говорил отцу фронтовик.

Вот и деревушка о пяти домах.

Я остановился у дома, где на лавочке сидела старушка.

— Добрый день, бабушка!

— Добрый, сыночек.

— Вы не подскажете, где деревня Порхово?

— И-и-и, сыночек! Уж нет той деревни давно! Как сгорела

в войну, так и не поселился потом на этом месте никто. А чегой-то тебе она понадобилась?

— Могилу деда ищущу.

— Не найдешь ничего, все бурьяном поросло. А сама деревня вон там стояла: проедешь вперед — и за березами вправо, вдоль реки. Остались вроде трубы печные, а может, уже и их нету — давно я там была, слаба ногами стала.

— Спасибо, бабушка.

Я сел в машину.

Вот березы, поросшая травой, едва угадывающаяся грунтовка. Слева речушка тянется-вьется, два метра шириной.

Я ехал едва-едва и все равно просмотрел деревню — вернее, место, где она когда-то была. Просто дорога уперлась в овраг.

Развернулся назад. Вот вроде куча камней, поодаль — еще.

Заглушив машину, я вышел.

Покосившийся, осевший в землю колодезный сруб, рядом — упавшая на землю кирпичная труба от печи... Да, деревня была здесь. Отправная точка для поисков найдена.

Все вокруг поросло сочной травой, бурьян по пояс. Кусты малины и крыжовника разрослись и превратились в непроходимые заросли. Грустно смотреть — жили же когда-то здесь люди, строили избы, сеяли хлеб, растили детей. Прошла война, и ничего нет — ни изб, ни людей, одно запустение.

Я прошелся по одному участку, перешел к другому. Повернулся к машине, сделал шаг. Под ногами захрустело, земля ушла вниз, и я рухнул в яму, оказавшуюся старым погребом. Стгнившие бревна не выдержали моего веса и проломились.

От удара и боли в ноге потемнело в глазах.

Когда я пришел в себя и немного осмотрелся, то увидел, что левая штанина разодрана, на голени — ссадины. Ничего страшного, зато сам жив, шею не свернул — уже хорошо. А ссадины до свадьбы заживут, обмыть их вот только надо.

Пора и выбираться. Вот только как это сделать? Я с тоской посмотрел вверх, на пролом в настиле. Высота у погребка — метра три, лестницы нет. Только по стенам — дощатые полусгнившие, почерневшие от времени полки.

Я попробовал подтянуться за полки руками — бесполезно. Доски и жерди не держали моего веса и под рукою превращались в труху. Совсем рядом, в машине, веревка есть, вот только не добраться до нее. Сижу тут, как в земляной тюрьме.

ме — зиндане. Вроде смешно, только вот смеяться не хочется. Никто не знает, где я, так ведь и с голоду сдохнуть запросто можно.

От отчаяния я поднял голову к дыре, через которую было видно голубое небо, и заорал.

К моему удивлению, в дыре появилось лицо старика — бородатого и в картузе.

— Чего орешь?

— Провалился я, помогите выбраться.

Дед исчез, но вскоре появился вновь.

— Держи!

Вниз ко мне упала пеньковая веревка.

Помощь пришла быстрее, чем я думал. Ну, по канату лазать нас еще в училище учили.

Ухватившись за веревку, я подтянулся, помог себе ногами и через секунду уже был на краю ямы. Осторожно лег на дерн и отполз на животе в сторону, памятуя о ненадежных бревнах погреба. Встал с горячим желанием поблагодарить незнакомого старика... и застыл от неожиданности.

Моей машины не было, а по грунтовке шли люди — с рюкзаками, сумками, баулами, узлами. Тащили за руки детей, катили коляски и тачки, груженные домашним скарбом.

Что за ерунда? И где моя машина? В ней же документы мои, деньги, инструменты, провизия. Неужели оставил ключи в замке зажигания? Я механически хлопнул ладонью по карману. Нет, ключи здесь. И старик — вот он, рядом стоит.

— Спасибо большое, дедушка, выручил из беды.

— Не стоит благодарности. Мы сейчас все друг друга выручать должны. Беда-то какая!

— А что за беда?

— Тебя что — контузило? Али речь Молотова по радио не слышал?

— Не слышал, я в яме был.

— Так не медведь же ты в берлоге! Фашист напал! Уже десять ден как! Прет и прет, никакого удержу.

Либо я сошел с ума после падения, либо у дедушки «белка» от деревенского самогона. Какие фашисты, какой Молотов?!

— Так сейчас чего — сорок первый год?

— Самая середина, — подтвердил дед, — второе июля.

Кто-то из нас двоих ненормальный, и я даже знаю, кто.

— Милок, а закурить не найдется?

— Найдется.

Я полез в карман, достал пачку «Явы» и протянул старику. Дед с удивлением покрутил в руках сигареты, достал одну, понюхал.

— Духовитые. Чтой-то я таких ране не видал.

— Так ты, дед, небось махорку курил.

— И ее, родимую.

Дед сунул сигарету в рот, я поднес зажигалку, чиркнул. Дед затаился, пустил струю дыма.

— Не, слабенькие, разве что побаловаться только ими. Ну, прощевай.

— А куда все идут?

— Известно — от немца подальше. Я вот — на Вязьму, к сыну.

Старик повернулся и пошел по дороге.

Я закурил сам и задумался. Что делать? Документов нет, денег нет, из вещей — только то, что на мне, да сигареты. Я был слишком подавлен и потрясен. Полчаса назад я был в своем времени, потом — падение в подвал, и — здравствуйте: тысяча девятьсот сорок первый год, самое начало войны. Не хочу! Упасть в подвал снова, что ли? Может не сработать, только сломаю себе чего-нибудь.

Я всмотрелся в проходящих по дороге.

Мимо меня, глядя перед собой ничего не замечающими глазами, шли бесконечной чередой измученные люди. Одежда несовременного покроя, сплошь черного и серого цвета. Лишь иногда мелькнет чья-то коричневая кофта. Лица усталые, осунувшиеся. Не похоже, что дед шутил. Блин, вот это я влип! Только сейчас до меня начал доходить ужас моего положения. Меня же на первом посту сцапают! Объяснить, что я из Ярославля, я еще смогу; то, что без документов — потерял. Но ведь если запросят по телефону Ярославль, ничего не подтвердится. В этом времени меня еще нет. А потому запросто могут шлепнуть как немецкого диверсанта.

Я попытался вспомнить, что происходило в первые дни июля тысяча девятьсот сорок первого года. Кроме героической обороны Брестской крепости и отступления Красной Армии ничего на ум не приходило. Наверное, надо идти с людьми — не стоять же здесь истуканом. Куда-то же они бредут? Знать, город недалеко. Там и сориентируюсь в обстановке.

Я пристроился к бредущим людям.

Передо мной шла молодая женщина. Одной рукой она

толкала детскую коляску с младенцем, а второй тянула за собой хныкающего мальчугана лет трех. Туфли ее были покрыты густым слоем пыли.

— Мам, я устал, есть хочу, — хныкал мальчуган.

— Давайте я его понесу, — предложил я.

Женщина молча кивнула.

Я посадил малыша себе на шею. Господи, да в нем весу не более пуда! Для меня это — не тяжесть. Во время марш-бросков в училище приходилось бежать с куда большим грузом.

Около часа шли молча. Все устали, проголодались.

— Все, не могу больше! — Женщина уселась на обочину.

Я ссадил мальчонку, он прильнул к матери и почти сразу уснул.

Вдали раздался странный жужжащий звук. Он быстро приближался.

«Немцы! Самолеты немецкие!» — закричали люди и побежали прочь от дороги, бросая вещи. Я же продолжал стоять во весь рост. Ну не будут самолеты стрелять по одиночным целям, тем более гражданским!

Оказалось, я ошибался. Раздался звук работающего пулемета, по дороге побежала цепочка фонтанчиков пыли от пуль.

Черт! Я бросился с дороги в кусты. Низко над головой пронеслась пара Ме-109, и я успел разглядеть кресты на их крыльях. Видел я такой «мессер» в музее, на фотографии. Тогда он не показался мне таким грозным.

Послышались стоны раненых, проклятия улетевшим летчикам. И я сразу сделал первый вывод — надо идти в одиночку. Там, где скопление людей, больше шансов получить пулю или осколок от бомбы. Мои училищные знания не годились — ответить нечем. В нем давались другие установки: видишь врага — убей! Я бы — с радостью, да вот из чего? У меня с собой даже ножа перочинного нет.

Самолеты не вернулись. Беженцы поднялись и пошли дальше. На импровизированных носилках, сооруженных из жердей и верхней одежды, они уносили тех, кто был ранен в авианалете и не мог идти сам. И я не остался в стороне, помогая нести раненую женщину.

Через час хода показалась окраина небольшого городка.

— Дорогобуж, — пронеслось среди беженцев.

Дорога плавно спускалась к городку. А на въезде — хилый мост, и перед ним — пост. Натуральный пост — офицер и трое солдат с винтовками за плечами.

Я отошел с дороги и стал наблюдать. Женщин, детей и

стариков пропускали беспрепятственно. Мужчин останавливали, проверяли документы. Кого-то пропускали, но большинство отводили в сторону. За скоплением людей не было видно, что там происходит. Вероятнее всего, отбирали парней призывного возраста, для мобилизации.

Успокаивая себя так, я тоже подошел.

— Документы, — потребовал солдат. Висящая за спиной винтовка с примкнутым штыком была едва ли не больше его самого.

— Нет при себе, — для убедительности я похлопал себя по карманам.

— Товарищ лейтенант, снова без документов!

— Отведи в сторону!

— Ну-ка, шагай туда!

Солдат показал рукой в сторону, где стояли и молча курили парни и молодые мужики.

Изначально мною невидимый из-за спин людей, открылся стол, на котором лежали бумаги. За столом на табурете сидел офицер.

— Фамилия? — устало произнес он.

— Колесников Сергей.

— Где документы?

— Дома оставил, в Ярославле — паспорт и военный билет.

— Хм, а здесь чего делаешь?

— К деду ехал, а тут — война.

Офицер подозрительно оглядел меня.

— Что-то у тебя одежда странная, туфли.

— Уж какая есть.

— Иванов!

К столу подбежал солдат с винтовкой.

— Этого — к особисту.

Рядовой повернулся ко мне:

— Руки за спину и шагай вперед.

Мы прошли узкий хлипкий мост и метров через двести завернули во двор старого кирпичного здания. Здесь в крытую «полуторку», как в просторечии назывался «ГАЗ-АА», солдаты грузили ящики.

Со ступенек спускался, судя по портупее и кобуре на ней, офицер.

— Вот, военком к вам направил, документов при себе не имеет.

— Свободен, боец. Кругом!

Ага, солдат бойцами называют. Надо запомнить. Плохо,

что я не знаю знаков различия на петлицах, отмененных с 1943 года — с введением погон. Единственно — запомнил, что у офицера на петлицах было два квадратика — «кубаря».

Офицер со мной даже разговаривать не стал:

— Садись в кузов, потом разберемся.

Я забрался в кузов; туда забросили еще пару ящиков и сели двое солдат. Натужно завыл слабенький мотор, и мы выехали со двора.

Я посмотрел на своих сопровождающих, и меня охватила тоска. Вот влип! Сначала из своего времени на шестьдесят лет назад отбросило, сейчас трясусь в грузовике в качестве подозреваемого неизвестно в чем, и что со мной дальше будет, совершенно непонятно...

По фильмам и книгам я знал о крутом нраве энкавэдэшников. Шлепнут без суда, и все дела. Фронт дальше на восток покатится, и кто будет разбираться с расстрелянным, когда вокруг гибнут тысячи? Надо искать какой-то выход, вплоть до побега. У бойцов — винтовки, у офицера в кабине — допотопный наган. Шанс небольшой, но есть. Авось не попадут.

Полуторку немилосердно трясло на ухабах грунтовой дороги, гремели ящики в кузове, грузовичок завывал мотором и скрипел рессорами. Оба бойца сидели у заднего борта, зажав винтовки между ногами. Когда на очередном ухабе задок грузовика подбрасывало вверх, они хватались руками за скамью и борт, упирались ногами, стараясь не потерять равновесие и не свалиться на дно кузова.

Из-за шума я, так же как и другие, не услышал приближения атакующего нас самолета. Сначала в брезенте над головой появились дырки, от ящиков и бортов кузова полетели щепки, и только потом по перепонкам резанул рев двигателя, почти мгновенно оборвавшийся. Боец напротив меня истошно закричал, вскочил и, обхватив голову руками, перевалился через задний борт машины. Другой оторопело глядел на него, вцепившись побелевшими руками в винтовку.

Полуторка съехала с дороги. Уткнувшись носом в дерево, она остановилась и заглохла.

Все, нельзя медлить ни секунды — самолет может зайти на второй круг.

Я рванулся к заднему борту, перевалился через него, спрыгнул на землю и подбежал к лежащему на дороге бойцу.

Самолет описывал полукруг, явно желая добить грузовичок.

— Эй, боец!